

При характеристике социального, когнитивного или дискурсивного пространства города используется метафорический перенос наших представлений о физическом пространстве на «смысловой» уровень. Интериоризированные представления о пространстве становятся базой для такого структурирования; на основе этих представлений мы создаем научные метаязыки, которые позволяют обсуждать социальные или дискурсивные аспекты городской жизни. В статье предпринята попытка рассмотреть и углубить когнитивные основания метафорического переноса, а также исследовать взаимосвязи между различными типами «смысловых» городских пространств.

Ключевые слова: урбанистика; городской дискурс; коммуникации; дискурсивное пространство. /

When we talk about the social, cognitive or discursive space of the city, we use a metaphorical transfer of our ideas about physical space to the 'semantic' level. Our internalized ideas about physical space become the basis for such structuring: based on these ideas, we create scientific metalanguages that allow us to discuss social or discursive aspects of urban life. In this paper, we strive to study the cognitive foundations of such metaphorical transfer in more depth, as well as to explore the interrelationships between different types of "semantic" urban spaces.

Keywords: urban studies; urban discourse; communications; discursive space.

Мультивселенная города: типология смысловых пространств / The multiverse of the city: Typology of semantic spaces

Введение

Когда мы говорим о городе, мы прежде всего представляем себе некоторое физическое пространство: улицы и проспекты, дома и площади, торговые центры и музеи. Представление о городе как о физическом пространстве кажется базовым для понимания различных процессов, происходящих в нем. В нашем сознании мы строим своеобразную карту города, моделируя пространство и интериоризируя свои визуальные впечатления. Анализу этих процессов посвящены работы в области когнитивной психологии, например, исследования «когнитивных карт» Эдварда Чейса Толмена [1] или теория «ориентировочных схем» Ульрика Найссера [2]. Эксперименты в рамках исследования Толмена были выполнены на лабораторных животных, однако стали решающим стимулом для изменений в понимании процессов пространственного ориентирования у человека и способствовали дальнейшим исследованиям темы пространственного ориентирования в области когнитивной психологии. В рамках концепции Найссера было введено понятие «ориентировочных схем», которые понимались как информация об объектах, их пространственных отношениях и их положении в среде [2, с. 129]. Эти представления-схемы не являются визуальной копией или образом реального пространства в нашем сознании, они представляют собой ментальные структуры и больше напоминают карту местности, чем ее фотографию. Именно на эти схемы, а не на визуальный образ пространства мы опираемся, когда метафорически «умножаем» пространство города, говоря о городе как о тексте или дискурсе, городе как коммуникативно-сетевом образовании, городе как цифровой среде.

Такой перенос смысла и уподобление различных смысловых пространств физическому обычно не рефлексивируется в исследованиях города, хоть и оказывается их исходной предпосылкой. Вопрос о городском пространстве и о взаимоотношениях физического и различных «смысловых» пространств не имеет тривиального ответа и требует рассмотрения с когнитивной, социальной и дискурсивной позиций, позволяющих критически оценить природу метафорического переноса и поставить вопрос о корреляциях между различными типами смысловых пространств.

Когнитивное пространство города

В основе когнитивного подхода к исследованию пространства города лежит идея об опосредованном (при помощи нашего языка и мышления) восприятии окружающего мира: «Нам кажется, что мы живем в мире физического пространства и времени, в мире природы, звуков, запахов и красок, но на самом деле все это приходит к нам сквозь опосредующее воздействие нашего языка. Язык незаметно для нас пронизывает все области нашего взаимодействия с внешним миром, <...> определенным образом окрашивая и интонируя нашу познавательную и ориентационную деятельность по отношению к экстралингвистической реальности» [3, с. 6]. Возможность переноса характеристик физического, осязаемого объекта на объекты мыслимые и абстрактные и структурирование абстрактного по аналогии с физическим являются чертами естественного языка и нашего мышления. Эта возможность отражается в языковой концептуализации, в частности, в «когнитивных метафорах» и концептуальных схемах. Классическая книга Джоржа Лакоффа и Марка Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [4] описывает наши пространственные ощущения, которые транслируются в язык и отражаются в понимании нами других, более абстрактных понятий. Метафоры пространства – это универсальные компоненты нашего мышления. Их неосознанно использует любой человек, говорящий на том или ином языке. Разные исследователи видят в городе свои «пространства», которые, хоть и описываются на основе тех же базовых пространственных предпосылок, значительно различаются по своим характеристикам. Это наслоение схожим образом структурированных языков описания пространства не дает нам выбрать единый метаязык, специфичный именно для города. Физическое пространство города будет описано на языке архитектурного проектирования, коммуникативное – на языке социологии, дискурсивное потребует привлечения языка лингвистики, а опираться все эти языки будут на «язык здравого смысла». Все эти описания оказываются верными одновременно, позволяя представить город как мультивселенную, существующую одновременно в разных ипостасях. При этом язык позволяет описывать эти «мультивселенные» как схожие

текст

Анна Сахарова
Московский городской педагогический университет

text

Anna Sakharova
Moscow City University

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-18-00288 Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies: <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

по структуре явления, что дает возможность при описании города сделать акцент на внутренней связности его «слоев», позволяя соразмерно сочетать физическую основу и ее метафорические наслоения.

Покажем возможность такого параллельного структурирования на примере сочетания пространства города и пространства дискурса. В указанной выше работе Лакоффа и Джонсона вводится множество типов образных схем, связанных с нашими базовыми пространственными представлениями: перемещение/путь, вместилище, центр/периферия, верх/низ и др. Эти же метафоры и концептуальные схемы используются для разговора о городском пространстве: мы можем находиться в городе и вне его (город как вместилище); у любого города есть центр и периферия; во многих городах можно «поехать в верхнюю часть или в нижнюю» (как говорят, например, в Нижнем Новгороде); мы можем проследить исторический путь города или путь его преобразований. При помощи этих же физически ориентированных образных схем мы концептуализируем и более абстрактные понятия: время, жизнь, социальные отношения между людьми и пр. В частности, пространство дискурса интерпретируется в языке как физическое пространство [5, с. 667]. Это выражается в том, что операторы, указывающие на непосредственные обстоятельства коммуникации, и семантические компоненты, которые обнаруживают позицию говорящего в физическом пространстве, также актуальны и для разметки дискурса. Примерами могут служить фразы: «где мы остановились?», «давайте двигаться дальше», «здесь мы рассмотрим» и пр. Пространственная метафора, не связанная с позицией говорящего, также вполне применима к дискурсу. Мы можем разметить верх и низ дискурса («выше мы отмечали», отметить возможность «проделать путь рассуждений» или «поставить в центр» тот или иной вопрос. Получается, что когнитивное структурирование города может происходить аналогично когнитивному структурированию, описывающему наше «движение» по дискурсу, и эта когнитивная корреляция дает нам возможность заложить основу для анализа города как дискурсивного явления.

Пространство города как пространство пересечения дискурсов

Выше мы указали на смежную природу метафорического структурирования города и дискурса, которое позволяет осуществить метафорический перенос пространства города на пространство городского дискурса. Однако прежде, чем говорить о дискурсивной природе города, необходимо заметить, что город – это не гомогенное образование, и маловероятно, что мы можем говорить о едином монолитном городском дискурсе или даже о его отдельных характеристиках. Скорее, продолжая метафору мультивселенной, мы рассматриваем город как многомерное пространство взаимодействия и пересечения различных дискурсивных практик, свойственных различным акторам и контекстам коммуникации. Для более предметного разговора дадим определение дискурсу или дискурсивным практикам. У этих терминов есть некоторые различия, но в контексте городской среды мы будем использовать их как синонимы, понимая под дискурсивной практикой «динамичную организацию тех коммуникативных систем внутри социума, которая, с одной стороны, отражает характерные для данной социальной общности речевое поведение и мышление, а с другой – формирует новые формы коммуникации в данной социокультурной реальности» [6, с. 58]. Дискурсивные практики в процессе коммуникации в пространстве города формируют его социокультурную реальность, наделяют смыслом те или иные события в жизни города, локации в городской среде, формируют его мифологию и ценности, создают образ города и его атмосферу.

Коммуникации дискурсов могут различаться по их прагматическим характеристикам (конкуренция, конфликт, диалог и пр.), происходить в различных контекстах (в тех или иных городских локациях или цифровом медиапространстве), актуализироваться на различных временных промежутках (в рамках отдельных событий, периодически или постоянно) и транслироваться на различных масштабных уровнях (персональные, локальные, глобальные). Рассмотрим подробнее каждую из этих характеристик.

Взаимодействие городских дискурсивных практик могут проходить в различных коммуникативных формах: они могут конкурировать, конфликтовать, быть подверженными слияниям и поглощениям, развиваться параллельно или пересекаться. Приведем здесь случай конфликта дискурсов на примере экологических протестов вокруг мусорного полигона на станции Шиес Архангельской области. Дискурсивный конфликт между активистами и местными жителями, с одной стороны, и представителями застройщика, поддерживаемыми правительством региона, с другой, может быть прослежен на материале региональных медиадискурсов. Анализ городских СМИ Архангельска показывает наличие двух активных дискурсивных практик. Первая поддерживает экоктивистов, явно и имплицитно (при помощи использования концептов и коннотативных смыслов) транслируя представление о строящемся объекте как о «свалке», «несправедливости», «угрозе для русского севера», «результате колониальной политики Москвы». Второй дискурс формируется в поддержку строительства, представляя его как «высокотехнологичное предприятие» и «инвестицию в экономику региона».

Каналы и места для публичных коммуникаций городских дискурсов могут быть различны. Мы можем рассматривать, где и при каких условиях в физическом пространстве реализуются и пересекаются различные дискурсивные практики: «Особого рода локации на основании общего присутствия на территории города выполняют объединяющую функцию для горожан. Примером могут служить места, присвоенные представителями субкультур. Данные локации служат горожанам, объединенным интересами или стилем жизни, общей территорией, местом пребывания, вследствие чего устанавливаются взаимоотношения и формируется реальная группа» [7, с. 29]. Возможно событийное формирование пространств для коммуникаций. В зависимости от происходящих в городе событий «при сохранении объективной структуры пространства меняется смысл отдельных локаций, их восприятие» [7, с. 33]. К такому типу событийных пространств могут быть отнесены пространства, где происходят реакции на различные события: митинги и протесты, как в случае рассматриваемого нами дискурсивного конфликта вокруг строительства мусорного полигона в Шиесе. Опираясь на сообщения СМИ, мы можем сказать, что митинги в Архангельске происходили на площади Терехина, которая стала площадкой для коммуникации по значимому для горожан вопросу. Борьба против строительства полигона в Шиесе длилась почти 2 года, и ее физическое присутствие в городской среде было осложнено начавшейся пандемией коронавируса. Поэтому в 2020 году конфликт наиболее активно разворачивался в пространстве массовых коммуникаций через различные цифровые медиаресурсы: городские медиа и городские сообщества в социальных сетях: «Особую роль в этом играют виртуальные площадки общения горожан (городские сайты). Здесь заложен широкий потенциал организации общения как для широких, так и для узких (со специфическими интересами) городских сообществ» [7, с. 32].

Взаимодействие дискурсов в пространстве города может затрагивать различных акторов или их группы и происходить на различных масштабных уровнях: персональном, локальном или глобальном. На персональном уровне коммуникации происходят в рамках бытового дискурса – «диалогического общения между хорошо знающими друг друга людьми» [8, с. 28]. На локальном уровне коммуникации происходят в формате институциональных дискурсов, происходящих в рамках закрепленных сфер общения: от официального взаимодействия различных городских сообществ с городскими властями до конфликтов уличных банд в гетто. В рамках такой коммуникации в пространстве города могут обсуждаться чувствительные для города вопросы: вопросы планирования городских пространств, экологии (как, например, в описываемом нами случае Шиеса), транспорта, инфраструктуры, вопросы самоопределения города в глобальном масштабе.

Глобальные коммуникации могут как привноситься в город извне в ситуациях включения локальных дискурсов в обсуждение глобальных вопросов, так и инициироваться из локальных дискурсов, трансформируя идентичности носителей городских дискурсов. В этом случае вопросы глобального уровня становятся частью повседневности простых городских жителей. Коммуникации могут изменять свой масштабный уровень: особо резонансные региональные вопросы могут выходить на уровень федеральных, общегосударственных, а иногда и международных медиа, однако и в этом случае в медиадискурсе отражаются позиции отдельных городских сообществ: «Индивидуальные и групповые смыслы, транслируемые массовой культурой, во многом созданы коммуникативной практикой в городских сообществах» [9, с. 203]. Примером может быть расширение городской экологической повестки до федерального уровня и реакция международных экологических сообществ и СМИ на рассматриваемое нами строительство мусорного полигона около станции Шиес. Инициированный в Архангельске и Сыктывкаре экологический и протестный дискурс вышел на федеральный уровень, а также был отмечен международными экологическими организациями. Реакцией на этот дискурс стал выход темы в повестку федеральных СМИ, а также экологические протесты во многих городах европейской части России.

Научная коммуникация в дискурсивном пространстве города

В типичные городские коммуникации дискурсов, направленные на развитие и освоение городской среды, решение социальных конфликтов, совместную деятельность различных акторов, могут встраиваться различные социокультурные дискурсы, не затрагивающие прагматические вопросы, однако отражающиеся на облик города, влияющие на качество жизни его жителей и его туристический потенциал. Они обычно выделены в городской среде как места и институции (музеи, центры и пр.), как сообщества людей, интересующихся различными культурными явлениями, как источники для медиа-дискурса, постоянно производящие лонгриды, новости, анонсы, информацию о культурных событиях в виде пресс-релизов, рекламы, публичных объявлений, контента в социальных сетях. В качестве примера, иллюстрирующего функционирование различных дискурсов в пространстве города, мы рассмотрим особенности функционирования одного из подвидов социокультурного типа дискурсов в городской среде, а именно дискурса, формируемого в результате научной коммуникации. Научные коммуникации представляют собой «взаимодействие науки и публики, внешний интерфейс института науки» [10, с. 48]. Вопрос о научных коммуникациях часто рассматривается в контексте философии и истории

науки, но, на наш взгляд, наблюдается недостаток исследований, анализирующих практики научных коммуникаций в городском пространстве и особенности интеграции научных дискурсов в городскую среду.

Научные коммуникации в пространстве города, с одной стороны, нацелены на освещение городской научной повестки: на формирование имиджа города как развитого, научного, прогрессивного и инновационного. С этой целью в рамках научной коммуникации выходят научные новости об исследованиях, выполненных в городе, результатах их внедрения, проходят открытые встречи и лекции ученых, которые рассказывают о результатах своей деятельности. В российских реалиях акторами такой коммуникации являются университеты и институты РАН, пресс-службы которых заинтересованы в медийном сопровождении работы своих организаций. Такая деятельность выгодна и городским властям, поскольку она может способствовать притоку высококвалифицированных кадров и развивать туристический потенциал города. С другой стороны, наука глобальна и интернациональна, поэтому научные коммуникации выходят за пределы городского контекста, когда речь заходит о прорывных международных исследованиях. Каналы глобальной коммуникации также вплетены в дискурсивную сеть города. В частности, публичные лекции, научные фестивали и другие форматы научного диалога могут быть посвящены различным научным темам, в том числе и не связанным с локальной повесткой. Такая деятельность способствует поддержке идеи lifelong learning (непрерывного образования), вносит разнообразие в варианты культурного потребления и способствует улучшению качества жизни горожан. Кроме того, сам тренд на научную коммуникацию и популяризацию науки имеет глобальный характер и может проследиваться в различных странах на всех структурных уровнях.

Научные коммуникации в дискурсивной среде города осуществляются в трех городских форматах: образование, экспертиза, популяризация науки. Образовательный формат захватывает институционально определенные общности – студентов, школьников, обучающихся на курсах дополнительного образования и переподготовки. Научные коммуникации в этом случае имеют определенный формат и локализованы в вузах, учреждениях среднего профессионального образования, школах, а также в организациях, предоставляющих дополнительные образовательные услуги. Второй тип научных коммуникаций – экспертиза – публично выражен в медиа-дискурсе: комментарии ученых-экспертов привлекаются журналистами по множеству вопросов. Непубличные научные коммуникации также происходят при консультировании государственных и частных институций, бизнеса и предприятий по различным связанным с наукой вопросам. Научные коммуникации в формате экспертизы могут влиять на жизнь обычных горожан, в том числе и не интересующихся наукой. Одна из особенностей научного дискурса заключается в том, что при попадании в городскую среду научный дискурс может начать притязать на приоритет в принятии решений, в том числе и касающихся непосредственно городских социальных практик, формируя потенциально конфликтную ситуацию. Ярким примером такого вмешательства научного дискурса в социальные отношения внутри городов является требование самоизоляции во время эпидемии коронавируса или запрет на посещение публичных мероприятий горожанам, не прошедшим вакцинацию. Основано это решение (которое, конечно, было опосредовано представителями власти) было на научном дискурсе, и в результате обычные социальные процессы были нарушены. Важно, что принятие решения об указанных ограничениях принималось на уровне городской власти (не федераль-

ной), и основывалось оно на эпидемиологических данных конкретного города, полученных и обобщенных научным сообществом.

Экспертиза как формат научной коммуникации была использована во время рассматриваемого нами выше конфликта вокруг строительства мусорного полигона в Шиесе. Экологическими активистами для консультации были привлечены специалисты различного профиля – экологи, геологи, биологи, почвоведы, экономисты, которые высказывали свое экспертное мнение в медиаматериалах, посвященных указанной проблеме. Жителям и экоактивистам сложно просчитать экологические риски, поэтому легитимация решения об отмене строительства мусорного полигона была опосредована экспертными заключениями. Региональные власти и представители подрядчика заняли противоположную позицию: они не привели данные научных экспертиз, ссылаясь на технологичность и инновационность запланированного строительства, но не привлекая научные и экспертные мнения. В конфликте верх взяла сторона горожан и экоактивистов, использовавших преимущества научной коммуникации, которая, на наш взгляд, сыграла значительную роль в принятии решения об остановке строительства мусорного полигона в Шиесе.

Третий тип научных коммуникаций – популяризация науки. Научный дискурс в этом случае вплетается в пространство городских дискурсов посредством медиа (научные новости и лонгриды на научные темы, видеосюжеты, блоги и интервью), а также при непосредственном взаимодействии ученых и публики – в формате публичных лекций, Science Slam, научных фестивалей и других форматов. В европейской практике популяризация науки часто инициируется региональными властями, которые становятся организаторами и спонсорами городских научных фестивалей [11, с. 13]. Такая деятельность может быть направлена как на довольно абстрактные цели – поднятие уровня общественной научной грамотности, поддержание и развитие мотивации молодых людей заниматься наукой [11, с. 5], так и на решение конкретных городских проблем. Например, предполагалось, что проведение научных фестивалей в Гетеборге (Швеция) будет способствовать (наряду с более общими системными процессами) переходу из статуса индустриального в статус университетского города. Кроме того, Гетеборг также позиционирует себя как город мероприятий, и научный фестиваль хорошо способствует поддержанию этого статуса [11, с. 6]. В российских реалиях инициаторами популяризации науки становятся либо региональные или городские власти (например, фестиваль «Динотерра»), либо университеты (Парк науки Нижегородского государственного университета), либо некоммерческие организации (фонд «Эволюция»), либо инициативные жители города (лекторий «Думай!», Казань), либо заинтересованные корпорации и бизнес (сеть Информационных центров по атомной энергии).

Социальное пространство города

Выше мы рассмотрели возможность разговора о дискурсивном пространстве города, опираясь на когнитивные исследования. Однако дискурсивное пространство города и его корреляции с физическим пространством нельзя рассматривать, игнорируя социальное пространство города – пространство взаимоотношений и социальных связей, которые опосредуют связи между физическим и дискурсивным пространством и делают картину их взаимодействия более многогранной.

Метафорические отношения физического и социального пространства отмечаются и в социальных исследованиях города: «Структура социального пространства проявляется, таким образом, в разнообразных контекстах как пространственные оппозиции обитаемого (или при-

своенного) пространства, функционирующего как некая спонтанная метафора социального пространства» [12]. Попытки формализовать и структурно описать социальное пространство в его корреляции с физическим принимались неоднократно. Однако, когда мы переходим к анализу, не сводимому к «здоровому смыслу», интуитивные представления о первичности физического пространства в научной интерпретации реальности могут быть перевернуты, и социальное может подчинять себе физическое в случаях, когда то или иное пространство города формируется социальными практиками. Считается, что границы социально конструируемого пространства определяются не географическими или административными категориями, а чувством принадлежности, общими нормами и ценностями. Действия участников в этом пространстве основываются на территориальной рефлексии, что подразумевает их связь с территорией, на которой они происходят, неявно вовлекая ее в процесс социального взаимодействия. Природная географическая среда, будучи местом обитания местного сообщества, оказывает влияние на характер социальных взаимодействий и/или определяется ими.

В такой интерпретации основание для выстраивания связи между дискурсивным и социальным пространством города может быть найдено в фигуре говорящего – в совпадении источника дискурсивного формирования среды с социальным актором. Дискурс в этом случае может выступать как инструмент социального, а иногда и физического преобразования среды, а может как источник этих преобразований – в тех случаях, когда социальные и физические изменения не успевают за развитием городских дискурсов (реализуя принцип «fake it till you make it»). То есть, с одной стороны, физическое пространство может быть понятно как первичное, как реальность первого порядка – это «внешняя объективная структура, узлы и сочленения которой могут наблюдаться, измеряться» [13, с. 16]. С другой стороны, физическое пространство – это пространство, в котором воплощаются социальные различия: «физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии» [13, с. 53]. Оно отражает и закрепляет структуру социального пространства через географическое распределение объектов, таких, как жилье и общественные места [12]. То есть физическое пространство определяется социальными процессами, а не наоборот: социальное объективируется в физическом пространстве и «функционирует одновременно как принцип видения и деления, как категория восприятия и оценивания, скорее, как ментальная структура» [13, с. 37]. Из этой же идеи исходят и представители Чикагской школы. Вспомним, в частности, тезис о том, что «социальные отношения часто и неизбежно коррелируют с пространственными отношениями; потому что физические расстояния настолько часто бывают или кажутся индексами социальных расстояний» [14, р. 18]. Это направление движения от социального к физическому (через дискурсивное или начиная с него) переворачивает наши языковые интуиции, однако не разрушает несомненную связность этих описательных практик.

Заключение

В работе мы постарались поставить вопрос о природе связности физического и смысловых городских пространств: социального, когнитивного и дискурсивного. Вопрос был рассмотрен с позиций когнитивной психологии и лингвистики, а также социальной теории. Оба направления рассмотрения показали целесообразность метафорического переноса с физического на более абстрактные дискурсивный и социальный уровни. В частности, было показано, что ментальные представления

о городе играют ключевую роль в нашем восприятии и интерпретации городского пространства. В ходе исследования была раскрыта когнитивная природа восприятия города, подчеркнуто влияние языка и мышления на формирование наших представлений о городском пространстве. Было показано, как физическое пространство структурирует наше мышление и язык, влияя на понимание абстрактных понятий и взаимодействий в городской среде.

Дискурсивное измерение города было исследовано через анализ пересечения различных дискурсивных практик. Показано, что город представляет собой многомерное пространство взаимодействия различных дискурсов – от экологических протестов до медийных и научных коммуникаций. Пример конфликта вокруг мусорного полигона на станции Шиес наглядно иллюстрирует, как различные дискурсы могут конфликтовать и взаимодействовать в городском контексте, а пример научной коммуникации иллюстрирует процесс интеграции нового дискурса в пространство города и его влияние на городские повседневные практики.

Социальное пространство города рассматривается как сложная структура, формируемая социальными взаимодействиями и практиками. Социальное пространство не только пересекается с физическим, но и активно его формирует, подчеркивая зависимость физической городской среды от социальных процессов. Немалую роль в этих процессах играет и дискурсивная среда города, формируя нарративы возможного и потребного будущего и реализуя на их основе социальные преобразования, имеющие последствия для городской среды.

В итоге исследование подчеркивает возможность и целесообразность применения «многослойного» подхода к изучению городского пространства, учитывающего когнитивные, дискурсивные и социальные аспекты. Город как мультивселенная существует одновременно в различных ипостасях, и понимание этих взаимосвязей позволяет глубже анализировать его структуру и динамику. Такой подход способствует более комплексному и критическому восприятию городского пространства, что важно для дальнейших исследований и практических решений в области урбанистики.

Литература

- Толмен, Э. Когнитивная карта у крыс и человека // Хрестоматия по истории психологии. – Москва : Издательство Московского университета, 1980. – С. 63–82.
 - Найссер, У. Познание и реальность : Смысл и принципы когнитивной психологии / Пер. с англ. В. В. Лучкова. – Москва : Прогресс, 1981. – 232 с.
 - Радбиль, Т. Б. Когнитивистика. – Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2018. – 375 с.
 - Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
 - Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
 - Иссерс, О. С. Дискурсивная практика: к определению понятия // Современная речевая коммуникация : новые дискурсивные практики : монография. – Омск : изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. – С. 37–61.
 - Чернявская, О. С. Город как коммуникативное пространство // Город меняющийся: траектория развития и культурные пространства : сб. ст. – Пермь : Пермский филиал НИУ ВШЭ. – 2011. – С. 24–34.
 - Карасик, В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации : Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов : Изд-во Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, 2000. – С. 25–33.
 - Козлова, Ю. В., Савченко, И. А., Пикунов, О. И. Город как социально-коммуникативная конструкция // ВЭПС. – 2020. – № 4. – С. 203–207.
 - Абрамов, Р. Н., Кожанов, А. А. Концептуализация феномена Popular Science: модели взаимодействия науки, общества и медиа // Социология науки и технологий. – 2015. – № 2. – С. 45–59.
 - Bohm, M., Fikus, M., Lerch, J., Lotzman-Dahl, A., Rebernik, P., Riise, J., Smith, A., Voltman, J. Science communication events in Europe: EUSCEA White Book. – Sweden : EUSCEA, 2005. – 118 p.
 - Бурдьё, П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение / Пер. с франц. Н. А. Шматко // Социология социального пространства : Сборник статей. – Москва, 2005. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3053> (дата обращения: 11.07.2024).
 - Бурдьё, П. Социология политики / Пер. с фр.: Е. Д. Вознесенская и др. – Москва : Socio-Logos, 1993. – 336 с.
 - Park, R. E., Burgess, E. W., McKenzie, R. D. (1967) *The City*. – University of Chicago Press. – 239 p.
- #### References
- Abramov, R. N., & Kozhanov, A. A. (2015). Kontseptualizatsiia fenomena Popular Science: Modeli vzaimodeistviia nauki obshchestva i media [Conceptualization of the phenomenon of Popular Science: models of interaction between science, society and media]. *Sociology of Science and Technology*, 2, 45–59.
- Bohm, M., Fikus, M., Lerch, J., Lotzman-Dahl, A., Rebernik, P., Riise, J., Smith, A., & Voltman, J. (2005). *Science communication events in Europe: EUSCEA White Book*. Sweden: EUSCEA.
- Bourdieu, P. (1993). *Sotsiologiia politiki [Sociology of politics]* (E. D. Voznesenskaya et al., Trans.). Moscow: Socio-Logos. 336 p.
- Bourdieu, P. (2005). Fizicheskoe i sotsialnoe prostranstva: Proniknovenie i prisvoenie [Physical and social spaces: Penetration and appropriation]. In N. A. Shmatko (Trans.), *Sociology of social space. Collection of articles*. Moscow: Center for Humanitarian Technologies. Retrieved July 11, 2024, from <https://gtmarket.ru/library/articles/3053>
- Cherniavskaia, O. S. (2011). Gorod kak kommunikativnoe prostranstvo [The city as a communicative space]. In *The changing city: The trajectory of development and cultural spaces: Collection of articles* (pp. 24–34). Perm: Perm Branch of the Higher School of Economics.
- Issers, O. S. (2011). Diskursivnaia praktika: K opredeleniiu poniatii [Discursive practice: Towards the definition of the concept]. In *Modern speech communication: New discursive practices* (pp. 37–61). Omsk: Publishing House of the Omsk State University.
- Karasik, V. I. (2000) Struktura institutsionalnogo diskursa [The structure of institutional discourse]. In *Problems of speech communication: Interuniversity collection of scientific papers* (pp. 25–33). Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo natsionalnogo issledovatel'skogo gosudarstvennogo universiteta.
- Kozlova, Yu. V., Savchenko, I. A., & Pikunov, O. I. (2020). Gorod kak sotsialno-kommunikativnaia konstruktsiia [The city as a socio-communicative structure]. *VEPS*, 4, 203–207.
- Lakoff, G. (2004). *Zhenshchiny, ogon i opasnye veshchi: Chto kategorii iazyka govoriat nam o myshlenii [Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind]* (I. B. Shatunovsky, Trans.). Moscow: Languages of Slavic culture.
- Lakoff, G., & Johnson, M. (2004). *Metafora, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]*. Moscow: Editorial URSS.
- Neisser, U. (1981). *Poznanie i realnost: Smysl i printsipy kognitivnoi psikhologii [Cognition and reality. The meaning and principles of cognitive psychology]*. Moscow: Progress.
- Park, R. E., Burgess, E. W., & McKenzie, R. D. (1967). *The City*. University of Chicago Press.
- Radbil, T. B. (2018). *Kognitivistika [Cognitive science]*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University press.
- Tolman, E. (1980). Kognitivnaia karta u krysi i cheloveka [Cognitive map in rats and men]. In *Textbook on the history of psychology* (pp. 63–82). Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta.